

В Е Р А *Колочкова*

Прощение
и есть любовь

*Мы, твои
жены и дети*

Вера Александровна Колочкова
Мы, твои жены и дети
Серия «Секреты женского
счастья. Проза Веры Колочковой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73384818

В. Колочкова. Мы, твои жены и дети: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2026

ISBN 978-5-04-239898-8

Аннотация

Жизнь Аси рушится: внезапно скончался отец, муж сломал ногу, мать горюет... Сама же Ася не может позволить себе слезы: нужно поднимать семейный бизнес. Откуда только свалился на ее голову этот незнакомец, утверждающий, что он – ее брат и наследник?

Это откровение, как удар молнии, разрушает идеальный образ отца и заставляет Асю окунуться в пучину семейных тайн, о которых она не смела и помыслить. Ее отчаянное отрицание сталкивается с горькой правдой, которую годами хранила ее мать, Машенька, – правдой о другой женщине, другой любви и другом ребенке.

Эта история – мучительный путь от ненависти и страха потерять все к принятию и прощению. Это рассказ о том, как

три женщины, любившие одного мужчину – его первая жена, его вдова и его тайная любовь, – находят в себе силы не воевать, а объединиться ради будущего своих детей, которые должны научиться быть не врагами, а братом и сестрой.

Вера Колочкова

МЫ, ТВОИ ЖЕНЫ И ДЕТИ

© Колочкова В., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Надо верными оставаться,
До могилы любовь неся,
Надо вовремя расставаться,
Если верными быть нельзя.
Пусть вовек такого не будет,
Но кто знает, что суждено?
Так не будет, но все мы люди...
Все равно – запомни одно:
Я не буду тобою брошена,
Лгать не станешь мне, как врагу,
Мы расстанемся, как положено, –
Я сама тебе помогу.*

Вероника Тушинова «Надо верными оставаться...»

К вечеру снег совсем разбушевался, перешел в яростную метельную круговерт. Вон в свете фонаря как снежные вихри выплясывают! Можно только представить, что сейчас на дорогах творится... И как теперь домой ехать? Страшно ведь. Тем более она водитель никчемный, хоть и права есть.

И машина хорошая, новая. Но что с того, что она новая, от этого ее умение водить не улучшится. Привыкла уже, что Митя всегда за рулем.

Ася вздохнула, отошла от окна, уныло глянула в сторону рабочего стола. Еще посидеть, что ли? Может, пока она документами занимается, и метель поутихнет? Хотя чего себя уговаривать, ничуть она не поутихнет. Говорят, на пять дней такая зимняя радость в город пришла. Снег, ветер, метель, гололед. Получите и распишитесь. И ладно бы накануне выходных, но сегодня еще понедельник! Значит, всю неделю ездить как-то придется! Вот спрашивается, зачем они квартиру продали, когда за город в свой дом переезжали? Мешала она им, что ли? А все Митя со своей занудной прагматичностью – зачем нам эта квартира, все равно там жить не будем, только расходы лишние.

Зря она его послушала. Сейчас бы нырнула в метро и через полчаса в квартире была. В тепле, в уюте, в беззаботности. Хотя можно ведь и к маме поехать. Да, и это было бы очень правильно, наверное. Именно сейчас – к маме, когда ей там плохо одной.

Правильно. Так надо. Но не хочется. Бессовестно не хочется, не по-дочернему! Эгоистически не хочется! Да и маме так удобнее – переживать свое горе одной. Неделию назад всего папу похоронили. А мама слишком его любила, чтобы впустить в свое личное горе еще кого-то. Даже родную дочь. Нет, не поедет она к маме. Лучше домой к Мите.

Митя... Митя-а-а-а... Я к тебе хочу... Ты слышишь, как я хнычу сейчас, как мне плохо и страшно? Ну Ми-и-ить...

И вздрогнула, когда услышала, как ожил вызовом телефон. Надо же, услышал! Почувствовал! А что? Так и должно быть, и никакой мистики!

– Ты еще на работе? Когда домой собираешься? Я тут с ума схожу один. Не знаю уже, куда себя приспособить. Такая тоска, блин.

– Да конечно, я на работе, где ж еще! Сам же знаешь, тут полный завал. С папиными бумагами никак не разберусь. Только сейчас понимаю, что он один все дела на себе тащил, а мы с тобой в фирме были как не пришей кобыле хвост. Еще и ты ногу сломал – так некстати!

– Да уж, некстати – это еще мягко сказано. Я бы покруче сказал. Сижу теперь, как дурак, маюсь бездельем, себя грызу. Надо опорой тебе быть в трудное время, а я...

– Перестань. Ты же не виноват. Я ж не хотела тебя упрекнуть, что ты...

– Да я понимаю. Тем более уж такой надежной опорой я тебе никогда и не был. Ты ж у нас девушка такая, особо в опоре не нуждаешься.

– Я нуждаюсь, Мить. Очень нуждаюсь. Вот сейчас смотрю в папин раскрытый сейф, на эти папки с документами. Ну почему, почему он никогда нас особо не напрягал, почему сам на себе все тащил? А вдруг мы теперь так не сумеем? Вдруг развалим все его дело, а? Боюсь я.

– А ты не бойся. Ты же умная, ты хваткая. И характер у тебя мужской. Это я рядом с тобой всего лишь подкаблучник, а ты...

– Ну зачем ты так, Мить? Никакой ты не подкаблучник! Перестань, пожалуйста!

– Ладно, не буду. А ты когда приедешь, Ась?

– Когда, когда... Ты в окно сегодня вообще выглядывал? Там такая метель! Как ехать-то? Боюсь я. Ты ведь знаешь, какой из меня водитель.

– Да нормально ты водишь, не прибедняйся! Другое дело, что в пробках надолго зависнешь. А может, такси вызовешь, а?

– Ой, какой прекрасный совет! – не удержалась она от сарказма. – Надо же, как все просто! Ты думаешь, один такой умный, да? Я ж тебе объясняю: на улице метель жуткая, все занесло. Какое, к чертовой матери, такси? Если к утру приедет, и то хорошо!

– Ну да, я как-то не подумал. Тогда к маме езжай, я уж тут один как-нибудь.

– Нет. Я приеду. Все равно другого выхода нет. И надо же тебя ужином накормить. Ничего, все едут, и я поеду. Только скоро не жди.

– Понял. Давай аккуратнее там. Ты прекрасно водишь машину, я уверен в тебе!

– Ага. Спасибо на добром слове. Я тронута. Ну все, я собираюсь, пока.

Нажала на кнопку отбоя, отодвинула телефон, решительно постучала ладонями о столешницу – готова, готова! Ничего страшного, не надо бояться! Ты прекрасно водишь машину, Ася! Твой муж Митя уверен в тебе!

Быстро оделась, выключила компьютер, сунула бумаги в сейф, деловито закрыла его, позванивая ключами. И усмехнулась неловко – деловая, блин. Наследница отцовского дела, бизнесвумен решительная, а машину водить боится.

В коридоре было пусто и гулко. Прошла мимо закрытых дверей кабинетов, спустилась на первый этаж. Охранник дремал в своем закутке, но вскочил тут же, засуетился:

– Вас до машины проводить, Анастасия Ивановна?

– Не надо. Сама дойду. До завтра.

Вышла на крыльцо, поморщилась досадно – будто оплеуху получила от колкого снежного ветра. Прикрыв лицо козырьком ладони, быстро пошла к машине, плюхнулась на водительское сиденье, встряхнулась. Ничего, ничего! Жизнь такая! Все едут, и она поедет! Ничего...

И вздрогнула, услышав, как кто-то стукнул в окно. Кто это? Охранник все же решил ее проводить? Или ему сказать что-то надо?

Приоткрыла окно, глянула – нет, не охранник. Парень какой-то. И смотрит пристально так, будто с претензией.

– Вам чего? – спросила сердито, глядя на парня исподлобья. – Денег хотите попросить, что ли? Так я по понедельникам не подаю!

Он от ее грубости опешил слегка, моргнул растерянно. И сразу подумалось, будто она его знает. Лицо смутно знакомое, точно видела где-то. А может, показалось. Да и лица в темноте толком не разглядеть!

Хотела было закрыть окно, но парень спросил торопливо.

– Вы же Анастасия Ивановна Говорова, я правильно понимаю? Ведь это вы, да?

– Ну допустим, – ответила слегка озадаченно. – А что, мы разве знакомы?

– Нет, мы не знакомы. То есть это вы со мной не знакомы. Понимаете, мне очень надо с вами поговорить.

– О чем? Вы кто вообще?

– Меня зовут Григорий Говоров.

Он так значительно проговорил свое имя и так внимательно на нее посмотрел, будто требовал, чтобы она немедленно прониклась тем обстоятельством, что у них одинаковая фамилия. Хотя чем тут проникаться, интересно? Ну фамилия... Вполне себе распространенная.

– Говоров я, понимаете? – повторил он с нажимом.

– И что? Пусть будет Говоров. Мне ваша фамилия ни о чем не говорит. Я вас не знаю. Отойдите от машины, мне ехать надо!

– Да, вы меня не знаете. Но мне правда надо с вами поговорить. Я все объясню. Может, впустите меня в машину?

– Еще чего? С какой это стати? Может, вам еще номер моей банковской карты продиктовать?

– Да не нужна мне ваша карта. Я ж говорю, просто надо поговорить.

– Да кто вы вообще такой, чтобы я с вами разговаривала?

– Я... Я ваш брат, вот кто! – произнес он почти с отчаянием, и ей даже показалось, промелькнули в его голосе слезные нотки, как у обиженного ребенка.

И засмеялась нервно. Такой день был суетный, голова кругом идет, и в документах ни черта не разобралась, еще и непогода, и метель эта, и Митя ногу сломал, и впрямь ехать надо. А тут здрасьте вам, приехали! «Я ваш брат!» Еще и психов ей для полного счастья не хватало! Ну что это, а? Со всем ее этот ужасный день доконать решил?

Оборвала смех, проговорила почти злобно:

– Отойдите от машины, ну! Чего вы к ней припали, как к мамке родной? Отойдите! Ненормальный, что ли? Я сейчас охранника позову!

– Да вы не сердитесь. Я ж ничего плохого вам не хочу. Я же просто поговорить. Ведь ваш отец – Иван Васильевич Говоров, правильно? Он умер восемь дней назад? Завтра девятый день.

Она глянула на него ошалело и вспоминала вдруг: да, точно, она же его видела! На кладбище видела, когда с отцом прощались! И в церкви он был, когда отца отпевали. Стоял рядом с какой-то женщиной, она вся такая заплаканная была, едва на ногах держалась. Даже хотела у мамы спросить, кто это, мол. Но маме было так плохо, что все равно бы ни-

чего не поняла, не услышала.

– Впустите меня, я очень замерз. Я так долго тут стоял, вас караулил, – почти проскулил парень, утирая лицо от растаявшего снега. А может, и не от снега. Может, от слез.

– Ладно. Садитесь, – произнесла неожиданно для себя миролюбиво. – Садитесь, сейчас все выясним. Тут явно какая-то ошибка, потому что у моего отца есть только один ребенок. Это я. Кто-то вам просто мозги запудрил. Сейчас во всем разберемся!

И сама понимала, что миролюбие ее происходило от уверенности, что все это не может быть правдой, что парень просто ошибся и надо ему объяснить, что и впрямь не было у ее отца других детей, кроме нее. Просто быть не могло, и все тут. Исключено. Причем объяснить как можно скорее, ехать ведь надо, дома ее Митя со сломанной ногой ждет! Каждая минута на счету, между прочим!

А парень тем временем плюхнулся рядом с ней на сиденье, снова отер лицо, не снимая перчаток, проговорил неловко:

– Метель такая... Снег прямо в лицо...

И замолчал, глядя прямо перед собой, будто и не собирался ни о чем говорить. Будто успокоился, достигнув своей цели – сесть-таки к ней в машину.

– Ну что же вы замолчали? Вы же хотели что-то там мне объяснить! У меня времени очень мало, простите.

– Да, я понимаю. Я сейчас, только с духом соберусь. Я по-

нимаю, что вам не хочется всего этого знать, очень даже все понимаю. И тем не менее! Я сын Ивана Васильевича Говорова! Он такой же мой отец, как и ваш! Просто он не хотел, понимаете? Не хотел, чтобы ваша мама...

– А вот про маму не надо! Это уж совсем не ваше дело! И вообще я уверена, что вы ошибаетесь. Как вас там, я забыла?

– Я Гриша. Григорий Иванович Говоров.

– Да не делайте вы уж такой акцент на свое отчество и фамилию! Уверяю вас, это ошибка! Не было у моего отца внебрачных детей, можете вы это понять или нет?

– Но... Вы же просто не знаете.

– Я знаю!

– А я знаю то, что я ваш брат! Да, отец не хотел, чтобы мы... Но теперь, когда его нет, я решил, что должен.

– Да что вы? – с тихим сарказмом спросила она. – Вы так решили, да? Как это мило с вашей стороны. Прямо индийское кино, ни больше ни меньше! И что же дальше? Чего вы от меня ждете, интересно? Мне надо вам на шею кинуться, да? Какая радость, братец Вася нашелся!

– Я не Вася. Меня Григорием зовут. И мой отец – Иван Васильевич Говоров. Так в свидетельстве о рождении написано, между прочим.

– И это все ваши доказательства, да? Самому не смешно?

– Нет, не смешно. Я знаю, что это правда. Я любил своего отца, и он меня любил. А то, что вы обо мне не знали, не дает вам права. Даже юридически не дает вам права от ме-

ня отказываться! Объясняю же вам, что и в свидетельстве о рождении написано...

– Да мало ли, что там написано! На заборе тоже написано! Это еще не есть установленный юридический факт! В ту строку в свидетельстве о рождении кого угодно можно вписать! Хоть Билла Гейтса, хоть Илона Маска! Нет, я не исключаю, что ваша мама была каким-то образом знакома с моим отцом. Но записанный со слов матери отец юридически отцом не является.

– А вы что, юрист?

– Нет. Но я знакома с этой проблемой, у меня приятельница с ней сталкивалась! И я знаю, что говорю! Родительских прав и обязанностей у вписанного в строку мужчины не возникает, понимаете вы это или нет? Такая запись влечет ровно такие же последствия, что и отсутствие записи об отце ребенка. Ведь отцовство юридически не установлено, верно? Да и откуда?

– Да, это так. Но я, собственно, за этим и пришел к вам, чтобы вы помогли мне установить юридический факт отцовства. Ведь мы можем провести экспертизу. Если мы брат и сестра... Ведь можем?

– Ага, щас! Я все брошу и побегу проводить экспертизы! Делать мне больше нечего! Оно мне надо вообще?

Внутри у нее все бушевало от злости. Он что, ненормальный, этот мальчишка? Чего он себе придумал? Или его вразумил кто? Может, мать его придумала историю про якобы

отца? Может, это какая-нибудь бывшая папина сотрудница, которая когда-то была в него влюблена безответно? А что, вполне может быть. Взяла и заморочила голову парню! Придумывают же некоторые несчастные мамы про отцов – капитанов дальнего плавания, или летчиков, или агентов спецслужб. Но отец ведь не летчик и не агент! Он всего лишь бизнесмен, особо значительным капиталом не обладавший. И тем не менее, ведь точно парню голову заморочили! Явился таким наглецом, требует генетической экспертизы.

Нет, в другое время она, может, и отнеслась бы к нему с сочувствием. Но сегодня, после тяжелого дня... Еще и дорога нелегкая впереди предстоит!

– Простите, если я вас обидел, – услышала она его тихое бормотание. – Я думал, вы пойдете мне навстречу. Это же и в ваших интересах тоже.

– В моих интересах? – снова взвилась она. – Это с какого же перепугу в моих интересах? Я что, похожа на идиотку?

– Ну ладно, что ж. Если вы не хотите, тогда я сам как-нибудь. И вы не думайте, я ведь прекрасно понимаю ваше нежелание, ваш сарказм.

– Что ж, и на том спасибо! – уже спокойнее ответила она. – Значит, мы все решили. А теперь прошу вас, выйдите из машины, мне ехать надо.

– Да, я сейчас выйду. Сейчас...

Он сглотнул нервно, и она увидела краем глаза, как дернулся кадык на его худой юношеской шее. Интересно, сколь-

ко же ему лет? Наверняка не больше восемнадцати-девятнадцати. Бедный, бедный пацан. Безотцовщина. Пришел ей что-то доказывать. Но что она может для него сделать? Вот, в машину пустила, пусть погрееется. Замерз ведь, это видно. Но пора и честь знать.

– Я вот что еще хочу вам сказать, – вдруг с усилием проговорил парень, не глядя на нее. – Знаете, мне ведь по большому счету все равно, что вы обо мне сейчас думаете. Я к вам в родственники не навязываюсь.

– Да как же не навязываетесь, если навязываетесь! Вы ж сразу поспешили мне сообщить, что мы якобы брат и сестра, разве не так?

– Да, но я не это хотел сказать. То есть... Я просто предупредить вас хотел. Да, я считаю себя сыном Ивана Васильевича Говорова! Вы можете мне не верить – ваше дело! Но я-то знаю. У меня все доказательства есть.

– И какие же, интересно?

– Да всякие. Я часто общался с отцом, он приходил к нам.

Он помогал нам.

– Кому это – нам?

– Мне и моей матери. Я понимаю, что вам это ужасно не нравится, но ведь это правда! Он был в моей жизни! Он любил меня! Я его родной сын. И мне очень просто будет установить это по закону. То есть его отцовство. Юридически установить. Просто я хотел, чтобы мы сами, я и вы, безо всяких споров.

– Скажите, а зачем? Зачем вам все это нужно, а? – задумчиво спросила она, глядя в окно.

И краем глаза отметила: а снежная буря-то утихает, кажется. Надо ехать. Чего она тут сидит, время теряет!

– Так зачем? – переспросила быстро, повернувшись к парню.

– Но это же понятно должно быть. Я хочу вступить в наследство. Я такой же ребенок моего отца, как и вы. Имею право!

Несколько секунд она молчала, глядя на него пристально. И ругала себя: с чего вдруг взялась жалеть этого наглеца? В машину к себе пустила, а он про наследство заговорил, надо же! Ну это уж ни в какие ворота.

И проговорила тихо и зло:

– А ну, пошел вон отсюда. Пошел, я сказала! Выметайся!

– Да не злитесь, я сейчас уйду. Но я имею право...

– Пошел вон! – уже крикнула она в истерике, и даже протянула руку, и сильно толкнула его в плечо. – Пошел вон, я сказала! Наследства он захотел, надо же! Хрен тебе, а не наследство! Убирайся же, ну? И чтоб я тебя больше никогда не видела, понял?

Парень вышел из машины, отступил на несколько шагов, развернулся. Стоял и смотрел, как она нервно выкручивает офисной стоянки на большую дорогу. Ей даже показалось, что он улыбается грустно.

Как потом ехала, не помнила. Конечно, попала в пробку,

стояла со всеми в ряду, нервно сжимая пальцами руль. Зазвонил телефон, и ответила раздраженно:

– Да, Мить! Чего ты звонишь?

– Да ничего. Просто узнать хотел, как ты там. Скоро приедешь?

– Нет, не скоро! К маме еще заеду!

– Зачем? Ты же не собиралась?

– Значит, так надо, Мить! Обстоятельства поменялись!

Хочу ей пару вопросов задать.

– Каких вопросов? И чего у тебя голос такой? Что-то случилось, чего я не знаю?

– Потом, Мить, потом... Потом все расскажу. Не мешай мне сейчас, ладно? А то еще въеду в кого-нибудь. Потом, все потом.

* * *

Ася решила не звонить в дверь – вдруг мама спит? Мало ли как у нее день сложился. После похорон она будто в другом измерении живет, путает день с ночью. Никак не может принять, что отца больше нет.

Да, трудно принять. Ей и самой трудно. Так хорошо, так весело и легко было с ним, так удобно было прятаться за его спиной, ничего не бояться, не ждать подвохов от жизни. Плыть по ней, сидя в легкой лодочке беззаботности, не думать испуганно об этом пресловутом «а вдруг...» Вдруг

что-то случится, и жизнь изменится в плохую сторону. Не будет бизнеса, не будет достатка. Вот зря все-таки отец ничему ее не научил! Сидели у него на фирме вместе с Митей на номинальных должностях, ни к чему не обязывающих, а теперь надо вникать во все дела. И никто не подскажет, не надоумит, а наоборот, палки в колеса будет вставлять! Вот как этот юный наглец – пришел наследство себе требовать, поганец! Такой сопляк, а уже аферист, надо же!

Все это промелькнуло у нее в голове, пока открывала дверь, пока снимала куртку в прихожей.

В квартире было пугающе тихо – мама не вышла ее встречать. Прошла в гостиную, заглянула на кухню, потом осторожно приоткрыла дверь в спальню.

Уф, слава богу. Мама дома, с ней все в порядке. Лежит на кровати, подтянув к себе колени и сунув меж них сложенные ладони. Смотрит отрешенно.

– Мам! Ты чего меня не встречаешь? Ты же не спишь? А вдруг это не я пришла, а кто-то другой?

– Да кто, кроме тебя, может прийти, Асенька. Кому я нужна... Да и не надо мне никого, сил на общение нет.

– Люся, домработница, может прийти!

– А я ее уволила. Зачем мне теперь домработница?

– Да ты что? Жалко... Столько лет она у вас была. Можно сказать, свой человек, почти родственница. Не надо было с ней расставаться, мам. Ты же совсем одна, даже подруг у тебя нет.

– Да, нет у меня подруг. Мне они не нужны были. Папа мне всех подруг заменял. Я только им жила. Провожала его на работу, ждала с работы. Нет, никто мне больше не нужен был. Я так жить привыкла.

– А я, мам? Я тоже тебе не нужна?

– Ну что ты глупости говоришь, Асенька. Мы же сейчас о папе, не о тебе.

– Ладно, прости. И впрямь глупости говорю. Ты как себя чувствуешь, мам? Ты ела сегодня что-нибудь?

– Нет. Я ничего не хочу. Даже думать о еде не хочу.

– Так и лежишь весь день?

– Да... Я ж никому не мешаю, правда? Лежу и лежу. Иногда мне кажется, что я так папу с работы жду. Что еще немного – и он дверь откроет.

– Но так же с ума можно сойти, мам!

– И пусть.

– Ну знаешь... Так тоже нельзя! Что значит «пусть»? И каково мне все это слышать, подумай?

– Ладно, не волнуйся. Не сойду я с ума. Только оставь меня в покое, ладно?

Ася вздохнула, не зная, что еще ей сказать. Как заставить подняться с кровати и жить дальше. Ведь надо как-то заставить?

– Может, на кухню пойдем, хотя бы чаю выпьешь? Давай, а?

– Нет, не хочу. Вы идите с Митей, найдите там что-нибудь

в холодильнике. Он ведь голодный, наверное.

– Мам, я без Мити. Он же ногу сломал, он дома. Я же тебе говорила.

– Да? А я не помню. Ну тогда поезжай к нему. Он же один там?

– И все-таки, мам, давай на кухню пойдем, ты съешь что-нибудь! При мне съешь! Тем более мне у тебя спросить кое-что надо! Ну пожалуйста, мам. Давай, давай, поднимайся.

Шагнула к матери, почти силой заставила ее встать. Ухватила за талию, повела за собой, чувствуя, какой тонкой стала эта талия, почти прозрачной. Мама и раньше была худенькой, но то была худоба другого рода – нежная и гибкая, как веточка ивы, а в последние годы эта худоба стала хрупкой, болезненной. Но в общем и целом годы маму щадили: в свои пятьдесят выглядела очень молодо. И если бы отец не умер... Уход его будто вернул маме ее законный возраст и даже добавил несколько лет. Сейчас Асе казалось, что она ведет на кухню не прежнюю маму, а ветхую старушку на дрожащих ногах.

– Мам, ну ты чего, в самом деле. Надо же вставать, надо ходить, надо жить как-то! – виновато бормотала она, усаживая ее за кухонный стол. – Папа бы этого не одобрил. Вот он на тебя смотрит сейчас и сердится!

– А для чего мне жить, Асенька? Кому я теперь нужна? Для кого жить?

– Ну для меня хотя бы.

– У тебя своя жизнь. Ты даже внуков нам с папой не родила.

– Мам, мне всего тридцать! Успею еще!

– Не всего тридцать, а уже тридцать! Вот родила бы мальчика, назвали бы его Ванечкой.

– Хорошо, мам. Договорились. Будет у тебя внук. Сегодня же мы с Митей займемся этой проблемой.

– Шутишь, да? Как ты можешь шутить, не понимаю? Как силы на это находишь?

– Мам, надо жить. Надо жить дальше. Вот просто так надо, и все.

Мать подняла на нее глаза и чуть наморщила лоб, будто не понимала, о чем она говорит. Ася поставила перед ней чашку с зеленым чаем, подвинула блюдце с нарезанным бананом, другое блюдце с сыром.

– Съешь хотя бы это, мам. Пожалуйста...

– Хорошо. Я съем. Только ты отстань от меня, ладно? И вообще... Ты же меня хотела о чем-то спросить? Ведь ты же за этим приехала?

– Да, я хотела. Только я не знаю, как у тебя спросить. А может, и вообще не стоит.

– Нет уж, спрашивай, если начала! Что за манера у тебя такая – вечно увиливать?

– Ну хорошо, я спрошу. Только ты восприми это нормально, ладно? Без эксцессов?

– Хорошо. Обещаю воспринять без эксцессов. У меня на

них просто сил не хватит. Давай, спрашивай.

– Скажи, у папы был кто-нибудь, кроме тебя?

– В каком смысле? – вдруг зло спросила мама, отодвигая от себя чашку с чаем. – Что ты имеешь в виду?

Ася видела, как она напряглась, как сжалась вся в нервный комочек. Сглотнула трудно и отвернулась. Помолчала немного, потом проговорила с той же злобной досадой:

– Тебе что, больше спросить у меня нечего, да? Почему такой идиотский вопрос вдруг пришел тебе в голову?

– Мам, ну что особенного я у тебя спросила? Есть же всего два варианта ответа на этот вопрос – да или нет! Трудно ответить, что ли?

– Да, трудно! Мне очень трудно. Я просто не ожидала, что ты... Что ты так можешь. Так жестоко.

– Ну почему сразу жестоко, – виновато пробормотала Ася, глядя, как набухают у мамы слезы в уголках глаз, как дрожат губы. – Во-первых, я и не думала ни о чем таком спрашивать, просто обстоятельства так сложились. А во-вторых, я думала, что ты просто удивишься и скажешь что-нибудь такое: мол, с ума, что ли, сошла. Я не думала, что тебе так трудно будет ответить.

– А мне трудно, Ася! Да, мне очень трудно! Потому что... Как я могу? Еще девяти дней не прошло. Еще душа его с нами. Вот здесь, сейчас я ощущаю его присутствие. И при этом я должна отвечать на твои дурацкие вопросы? Должна ворошить нашу с ним жизнь?!

Слезы уже лились ручьем из маминых глаз. Встала с трудом, опираясь на спинку стула, ушла в гостиную. Ася хотела было пойти за ней, но мама махнула рукой сердито – сиди!

Вздыхнула, снова опустилась на стул. Чувство вины внутри боролось с обидой – ну что такого она спросила? Хотя, может, и правда грубовато получилось. У мамы натура нежная, чувствительная. Иногда и не поймешь, на что может обидеться. На ерунду какую-нибудь. Вот она ее дочь, а природа у нее совсем другая! Попробуй ее обидь! Себе дороже обойдется!

И отец тоже говорил, что у нее характер жесткий. Что она пошла не в мать, не в отца, а в деда Василия. Тот якобы тоже любил с плеча рубить. И ответы любил прямые: или да, или нет. Презирал меж ними всякие рассудительно успокоительные промежутики. Хотя сама она считала себя копией отца: и внешностью в него пошла, и характером.

А вот мама... Если судить о характере, то казалось, и характера у мамы никакого не было. Зачем ей характер? Она при отце была. Тенью. Ниточка за иголочкой. Нежное создание, которое нужно защитить от грубостей жизни. Одно слово – Машенька. Отец ее иначе и не называл, всегда была для него Машенькой. Глядел на нее ласково, снисходительно. Не дай бог чем обидеть.

Но выходит, все-таки обижал? А иначе почему мама так странно на ее вопрос прореагировала? Значит, все-таки что-то было в их жизни, постороннее какое-то вмешательство

под названием «другая женщина»? Тем более если верить этому юному нахалу.

Но с другой стороны, почему она должна ему верить? Да и вообще, это же будет катастрофа, если она ему вдруг поверит! Вон как он заявил нагло: хочу, мол, на наследство моего отца претендовать! Это что же выходит такое, а? Надо ему половину доходов от бизнеса отдавать, а то и половину бизнеса?

Ага, щас! Размечтался! Да мало ли кто он такой! Может, засланный казачок какой-нибудь! Аферист с большой дороги! И она тоже хороша – всполошилась, засуетилась! Маму до слез довела. Она и так едва живая, не знает, как ей дальше жить, а доченька явилась ее добить своими дурацкими распросами! Тоже нашла время.

Да, надо пойти к маме и прощения у нее попросить. И впрямь, как она могла хоть на секунду усомниться в том, была ли мама единственной женщиной у отца. Конечно была! Он же ее так любил, с такой нежностью к ней относился. Она даже ни разу не слышала, чтобы он ее Машей назвал. Всегда только Машенька.

Гневные мысли ее запнулись вдруг об это – Машенька. Не Маша, а Машенька. Да-да, что-то было такое, связанное и с Машей, и с Машенькой.

И тут же память вынесла на поверхность давнюю историю. Такую давнюю, что с годами она о ней напрочь забыла.

Она тогда у тети Риты гостила, папиной сестры. Уж не

помнится, по какому поводу. Кажется, тогда папа с мамой вдвоем в отпуск уехали, а ее не взяли. И обиду свою вспомнила: да как они могли, мол. И утешительный разговор тети Риты вспомнила:

– Да брось, Аська, на них обижаться! Вон какая коровушка вымахала, а все в тебе детские обидки пляшут, ей-богу! Понимать же должна, не маленькая. Им ведь вдвоем побывать охота, погулять на воле.

– Я маленькая, тетя Рит! Мне всего десять лет!

– Да какая ж маленькая, окстись! Раньше в этом возрасте девкам женихов приглядывали! А ты...

– Да каких женихов, чего ты такое говоришь, тетя Рит!

– Ладно, ладно, хватит губы надувать! Лучше помоги мне, гостя к нам сегодня приедет!

– Какая еще гостя?

– Хорошая гостя. Тетей Машей ее зовут.

– А она кто? Подруга твоя, да?

– Ну и подруга тоже. А вообще она первая жена твоего папы.

– Как это? У него только мама моя жена, и все!

– Нет, не все. Первой женой Маша была. Красивая, умная, добрая. Очень твоего папу любила.

– Да какая еще Маша... Это мама моя – Маша! Ты что-то перепутала!

– Мама твоя – Машенька. Уж больно ей это имя подходит. А Маша – это Маша.

Ей тогда показалось обидным, с каким уважением произносит тетя Рита это имя – Маша. И Ася пробурчала себе под нос:

– Не хочу я знать никакую Машу. И вообще, ты меня обманываешь, я знаю! Не было у папы никакой жены! Всегда только мама была! И пусть эта Маша к тебе не приезжает, я не хочу!

– Да она ж всего на часок и зайдет повидаться. Дела у нее. Вечером обратно к себе уедет. Она далеко живет, не в нашем городе.

– Все равно не хочу! Я тогда к Светке с третьего этажа пойду, мы мультики будем смотреть!

– Ну иди, раз ты такая вредная.

– И пойду!

– Иди-иди. Я разве держу? Вот что у тебя за характер? Вся в деда Василия пошла. Как решила-постановила, так и делает!

Потом, когда родители вернулись из отпуска, она не утерпела, задала-таки маме вопрос:

– А правда, что у папы кроме тебя еще одна жена была?

Мама долго смотрела на нее растерянно, потом произнесла тихо:

– Да, Асенька, правда. Откуда ты знаешь?

– Она в гости к тете Рите приезжала, когда вы в отпуске были.

– Ну приезжала... И пусть. Они ведь подругами были. А

ты ее видела, Ась?

– Кого?

– Ну эту подругу тети Риты, то есть Машу.

– Нет. Не видела. Я на весь вечер в гости к Светке ушла.

А что?

– Да нет, ничего. Просто интересно. Нет, ничего, Асенька.

Больше они с мамой к этому разговору не возвращались. Да и не было по сути никакого разговора. С годами эта информация о существующей где-то тете Маше выветрилась из головы, да так напрочь выветрилась, будто ее и совсем не было.

И вот память таки подсунула ее обратно. Была Маша, первая папина жена. И сейчас она есть, наверное. Никуда не делась.

Стоп! Стоп. А вдруг этот юный нахал – сын той самой Маши? Хотя нет, не может быть. То есть может и быть, конечно, и ради бога. Только сыном папы он быть не может. Он же моложе ее лет на десять! Если бы сыном от первой жены был, то, наоборот, был бы старше. Да и не стал бы отец своего сына скрывать – зачем? Не такой он был человек.

И вообще, чего ее опять зациклило? Это ж понятно, что нет у отца других детей! Никого нет, кроме нее! Зря, зря она маму обидела. Надо идти извиняться. И ехать пора. Митя там изволновался уже весь, наверное.

На цыпочках прошла по коридору, заглянула в гостиную. Мама лежала на диване в любимой позе – свернувшись ка-

лачиком, спиной к двери. Села рядом, провела по этой спине ладонью, ощутив под пальцами выпирающие позвонки. До чего ж она хрупкая, господи. В чем только душа держится.

– Мам, прости меня, ладно? Я не хотела. И впрямь веду себя как слон в посудной лавке.

– Да ладно, не извиняйся, Асенька, – не поворачиваясь к ней, тихо произнесла мама. – Наоборот, это ты меня прости. Надо, надо было тебе все рассказать в свое время, да только не смогла я. Слишком тяжело было. И страшно.

– Что рассказать, мам? Что? – Снова провалилось в пропасть успокоившееся было сердце.

– Не спрашивай, пожалуйста. Не сейчас. Потом. Я все, все тебе расскажу, ладно? Потом.

– Мам, но я ведь должна знать. Лучше бы сейчас. Это очень важно.

Мамины плечи дернулись под ее рукой недовольно. И уже другим голосом, более решительным, она проговорила, опуская ноги с дивана и садясь прямо:

– Вот-вот будет девять дней! Надо ведь готовиться, ты права! Надо, чтобы все достойно прошло! Народу ведь много придет, наверное!

– Да, много, – вздохнула Ася, понимая, что мама сейчас таким способом уходит от неприятного разговора. – Надо всех папиных друзей и знакомых обзвонить, наверное.

– Нет, никого не надо обзванивать, я думаю, – быстро проговорила мама. – На такие мероприятия не приглашают. У

кого есть потребность, тот сам придет.

– Но откуда люди узнают, где мы будем поминать – дома или в кафе?

– Кому надо, все узнают! Не стану я никому звонить! Да и какое еще кафе? У нас что, места в квартире мало?

– Да, мам, да. Я поняла. Ты скажи, что от меня требуется. Продукты купить? На кухне помочь? Ты скажи.

– Ничего не надо, Асенька. Я ж понимаю, у тебя сейчас очень забот много. Надо с документами разбираться, надо Мите помочь. Не надо, Люся придет, все сделает.

– Так ты же ее уволила, сама же сказала!

– Нет, мы договорились, что они с Катенькой придут на поминки, помогут.

– А Катенька – это кто?

– Это ее дочь. Очень приятная молодая женщина. Покладистая такая, добрая.

– Может, не будешь увольнять Люсю? Столько лет ты с ней. Она тебе верой и правдой...

– Нет, Асенька, я теперь уж сама как-нибудь. Не стану тебя обременять. Папа ведь хорошо Люсе платил, она привыкла. Вера и правда тоже ведь на хорошей оплате держатся, просто так ниоткуда не возьмутся.

– Так все дело в деньгах, да? – с нажимом спросила Ася, разведя руки в стороны. – Ну ты даешь, мам. Ты что думаешь, я денег не заработаю, что ли? Думаешь, я такая бестолковая и загублю папин бизнес?

– Нет, я вообще так не думаю, Асеня, что ты. Я просто не хочу тебе быть обузой.

– Мам, перестань! Ты сейчас меня обижаешь! И давай закроем эту тему, ладно? Завтра же скажешь Люсе, что ее никто не увольняет! Пусть она при тебе всегда будет, мне так спокойнее!

– Что значит спокойнее? По-твоему, я совсем немощная?

– Ой, не придирайся к словам, пожалуйста! Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать!

– Ладно, ладно, не наседай на меня! Разошлась. И вообще, поздно уже, езжай домой. У тебя там Митя один. А я попытаюсь уснуть, иначе у меня голова от боли разорвется. Ничего уже не соображаю, не понимаю.

– Надо успокоительное выпить, мам. И таблетки. Ты про таблетки не забываешь? Давление давно мерила?

– Да все я знаю, не волнуйся. Иди. Иди уже, ради бога.

– Давай хоть до постели тебя провожу? Помогу раздеться?

– Да что ж я, сама не смогу? Я ж не старуха! Мне пятьдесят всего! Завтра утром встану и буду жить, если так надо. Иди, Ась, иди. Не надо было и приезжать.

Всю дорогу ее одолевало непонятное чувство – смесь вины, стыда и тревоги. Как она так жила, что ничего не знала об отце с матерью? Почему так бездумно пряталась за его широкой спиной? Теперь вот выясняется, что не все так просто в их жизни было. А может, до такой степени сложно, что маме об этом и рассказать трудно. И теперь надо еще все это

разворошить.

А может, не надо? Может, ну его к черту? Чего она так всполошилась на пустом месте? Подумаешь, появился юный нахал, а она и завелась как дурочка!

Да, правильно. Плюнуть надо. Забыть. Не было никакого... Как бишь его там? Григория, что ли? Не было, не было. Не было! И скорей бы приехать домой и услышать, как Митя скажет ей: «Не было! Забудь!»

Подумала так, но легче отчего-то не стало. Наоборот, напала необъяснимая злость на Митю. Ну да, конечно, он скажет именно то, что она хочет услышать. Но разве это ей сейчас нужно? Разве это?

А что ей сейчас нужно? Чего она хочет от мужа? Она ведь сама выбрала такого Митю – послушного, управляемого, ведомого. Даже отец ей тогда сказал:

– Аська, ну зачем? Зачем тебе такой муж? Что ты с ним станешь делать? Разве он мужик? Нет, он хороший парень, не спорю. Но ты же задавишь его своим мужским характером!

Она рассердилась, ответила ему что-то грубое. Мол, это мой выбор, не лезь! А отец только пожал плечами и продолжил, будто рассуждал сам с собой:

– Женщине такой муж нужен, чтобы можно было за спиной его спрятаться. Чтобы он был сильнее, понимаешь? Чтобы умный был, умел принимать самостоятельные решения. А твой Митя – он кто? Кем он себя видит в будущем?

– Да неважно, пап. Главное, я люблю его. И он меня любит.

– Да, любовь – это хорошо, конечно. Нет, я понимаю. Но рай в шалаше – это мечты двух глупых романтиков, которые потом превращаются в злобных ненавистников этого самого шалаша. Ты ведь у меня не романтик, Аська? Ну скажи, как вы собираетесь жить? Какая у твоего Мити профессия?

– Не знаю. Он платный вуз какой-то окончил.

– Понятно. Значит, нет профессии. Та, что нарисована в платном дипломе, за профессию не считается. И где он собирается работать?

– Он будет работать вместе со мной, пап.

– Но ты работаешь у меня.

– Значит, и он будет работать у тебя. Ведь ты не откажешь своему зятю в трудоустройстве?

– Ох, Аська, Аська... Ну хоть убей меня, не понимаю, зачем тебе это нужно? То есть зачем тебе такой муж, который добыть в семью ничего не сможет?

– Я сама все добуду, пап. Да, я такая, ты же знаешь. Ты и сам всегда говорил, что у меня мужской жесткий характер. А если сойдутся рядом два жестких характера, что это будет тогда, представляешь? Нет, мой Митя вполне меня устраивает как муж.

– Ну что ж, тебе виднее.

– Значит, берешь его на работу, да?

– А куда ж я денусь? Никуда и не денусь. И квартиру вам

на свадьбу подарю, и денег дам на строительство дома. Надеюсь, руководить стройкой твой Митя сумеет?

– Ну пап, конечно, сумеет! Не такой уж он никчемный. Вполне себе приличный мужик. Да ты с ним еще подружисься, я уверена! Он добрый, начитанный, слушать умеет. По крайней мере, от него подвоха не ждешь. Он очень преданный.

– Да, характер у тебя точно мужской. Наверное, так любой мужик рассуждает, когда присматривается к потенциальной подруге жизни: добрая, мол, слушать умеет, очень преданная. Еще скажи, что твой Митенька замечательно умеет борщ варить и пироги печь!

– Не, насчет борща и пирогов врать не стану. А что? Надо, чтобы умел, да?

Они рассмеялись оба: отец грустно, она от души. И больше к этому спору не возвращались. Так Митя и вошел в их семью – будто на цыпочках. Маме он сразу понравился, отец тоже к нему привык. Как она и предсказывала: даже подружиться сумел. Вместе на рыбалку ездили, по выходным на даче в бане парились, выпивали. Обычная дружная семья, все друг другом довольны.

И она была довольна. Тогда почему теперь появилась эта злость на Митю? Потому что много всего навалилось после папиной смерти? Вон даже машину в метель приходится самой вести! Да что машина... Машина – это ерунда. Дело в другом. Ведь стоит только подумать о том, что теперь самой

придется встать у руля отцовского дела, сразу все холодеет внутри от страха! Да если еще и делиться придется. Если этот Григорий не фантом, а настоящая угроза. Она еще и сама не понимает, что там делить! Может, и нечего!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.